

Громова Юлия Олеговна

ЛЕГЕНДА О ПОТЕРЯННЫХ КОЛЕНАХ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ТЕКСТ

Статья посвящена анализу легенды о потерянных коленах израилевых в контексте основного понятия теоретиков информационного и постмодернистского общества - понятия Текст. В статье прослеживается как, наслаивая на библейскую основу легенды свои коннотации и интерпретации, авторы пророческих сочинений, мудрецы Талмуда, переводчики Библии, историки эпохи эллинизма и раннеримского периода и, наконец, еврейские средневековые путешественники совместными усилиями творили глобальный Текст легенды о десяти коленах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 60-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

INFORMATION OF SCIENTISTS AND TRAVELERS OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY ABOUT SIZE OF TSAREV SETTLEMENT

Glukhov Aleksandr Anatol'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Volzhsy Institute of Humanities (Branch) of Volgograd State University
gluhov75@mail.ru

The article considers and analyzes the reports of the scientists and travelers of the XVIII – the first half of the XIX century on the location and size of Tsarev settlement, which is traditionally associated with the second capital of the Golden Horde – the town of Sarai Berke. The data of scientific expeditions members (S. G. Gmelin, I. I. Lepekhin, I. P. Fal'k, P. S. Pallas), local historians and travelers, who visited “Tsarev ruins” at different times, are given. The author concludes that these reports are very brief, contradictory, subjective, and cannot be used without archaeological data collected at later period.

Key words and phrases: Lower Volga; The Golden Horde; Tsarev settlement; Sarai Berke; Gulistan; size of settlement; scientific expeditions.

УДК 008:14+22

Культурология

Статья посвящена анализу легенды о потерянных коленах израилевых в контексте основного понятия теоретиков информационного и постмодернистского общества – понятия Текст. В статье прослеживается как, наслаивая на библейскую основу легенды свои коннотации и интерпретации, авторы пророческих сочинений, мудрецы Талмуда, переводчики Библии, историки эпохи эллинизма и раннеримского периода и, наконец, еврейские средневековые путешественники совместными усилиями творили глобальный Текст легенды о десяти коленах.

Ключевые слова и фразы: десять потерянных колен; Текст и Произведение; Р. Барт; множественность Текста; «смерть Автора».

Громова Юлия Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет
yuliarepina@gmail.com

ЛЕГЕНДА О ПОТЕРЯННЫХ КОЛЕНАХ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ТЕКСТ[©]

Во времена ассирийского царя Саргона II десять колен, составлявших Израильское царство, были изгнаны со своей земли и переселены на чужие земли: «В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских» (2 Цар. 17:6)¹. «Доколе Господь не отверг Израиля от лица Своего, как говорил чрез всех рабов Своих, пророков. И переселен Израиль из земли своей в Ассирию, где он и до сего дня» (2 Цар. 17:23).

И с той поры десять колен проживают за рекой Самбатсион, бурлящей в будние дни свирепым потоком, уносящим камни и булыжники, но покоящейся по субботам, когда переход через реку запрещен еврейским законом. И они «очень сильны и воинственны, так что один в состоянии победить тысячу человек» [14, с. 32]. И нет на земле человека, способного вступить с ними в контакт, ибо местопребывания их недостижимо.

«У сказанных колен золото в изобилии; овец, рогатого скота, верблюдов, лошадей и ослов очень и очень много; они сеют, жнут и живут в шатрах, переходят и кочуют от границы до границы, на пространстве в двести дней вдоль и поперек, и там, где они останавливаются, нет пустого места для ноги человеческой: везде поля, виноградники, рощи и сады... Детей у них столько, сколько песку на берегу моря, и все они очень воинственны. Во время сражения они говорят (*друг другу – прим. автора – Ю. Г.*): —~~н~~иче не следует отступать, и Израиль не отступит”. Они укрепляют свое сердце надеждою на Творца своего, Бога вечного, Создателя неба и земли, Непобедимого в битве, и проливают кровь врага своего в сражении. И сколько раз кушиты оплакивали свою судьбу и рыдали, а дочери Израиля цвели и радовались» [Там же, с. 23-24].

Вышеприведенное описание – отголосок, след, легкий флер той истории, которая развернулась на арене Израильского царства в VIII в. до н.э., когда десять еврейских племен, составлявших Израильское (Северное) царство (928-723 гг. до н.э.), исчезли с исторической арены после падения царства под ударами Ассирийской империи в результате массовой депортации. Этот отрывок есть часть текста, масштабного и глобального текста легенды о десяти потерянных коленах, проходящего красной линией через всю еврейскую историю в поисках ответа на вопрос: «Где находятся десять колен?». Этот текст превращает заурядную депортацию древности в масштабное событие с эсхатологическим концом, а десять еврейских племен переименовывает в Десять потерянных колен (עֲשָׂרָה הַשְּׁבֵטִים), в эсхатологических изгнанников, грешников, мучеников.

© Громова Ю. О., 2014

¹ Третья и Четвертая книги Царств в синодальном переводе Библии соответствуют Первой и Второй книгам Царей в еврейской традиции.

Этот текст в разные века творят авторы библейского текста и текстов пророческих сочинений, мудрецы Талмуда, переводчики Библии, историки эпохи эллинизма и раннеримского периода, еврейские средневековые путешественники, современные писатели и литераторы.

Этот текст мы предлагаем именовать Текстом с большой буквы, вторя традиции постструктурализма и постмодернизма. Французский литератор и теоретик культуры, философ Р. Барт одним из первых закрепил понятие Текста в этих теориях. Вслед за Бартом мы предлагаем писать «Текст» с большой буквы, когда речь идет о тексте по понятию, тексте как определенном отношении к морфологии написанного, и «текст» с маленькой буквы, когда речь идет обо всем, что написано, о написанном по морфологии. Мы выдвигаем гипотезу о том, что текст легенды о потерянных коленах является Текстом с большой буквы, и эта статья – попытка доказать эту гипотезу.

Именно в русле понятия Текст как первого и фундаментального понятия для философии XX и XXI веков стоит вести данное исследование еще и потому, что данная статья является первым исследованием, посвященным анализу легенды о потерянных коленах в контексте идей информационного общества.

Сам термин «Текст» хотя и не является новацией теоретиков информационного общества, тем не менее, активно используется ими при анализе многих культурных реалий современного общества. Понятие Текста становится особенно актуальным к 60-м годам XX в., ознаменовав не перелом, но скорее еще один «сдвиг» в рамках революции в мышлении, которая произошла на рубеже XIX и XX вв. и связана с именами Ницше, Хайдеггера, Фрейда, Соссюра, Витгенштейна. Взгляд на Текст как на центральное понятие в анализе вещей и явлений в постмодернизме и постструктурализме является продолжением тенденции, выраженной в таких научных и социально-культурных явлениях XX в., как семиотика, лингвистическая и философская прагматика, логическая семантика, теоретическая поэтика, аналитическая филология, различные направления психоанализа, исследования по мифологии и характерологии.

Р. Барт в статьях и эссе «От произведения к тексту», «Удовольствие от текста», «Смерть автора» разработал методологию познания любых объектов культуры, которые могут быть прочитаны как Текст, при этом сама культура также выступает как Текст. Любой текст по своей природе одновременно является и Произведением и интертекстом. Интертекст – это основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой (в 1967 г.) на основе анализа концепции «полифонического романа» М. М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с текстами (и жанрами), предшествующими и параллельными ему во времени. При создании Текста-интертекста автор сознательно или бессознательно погружается в атмосферу памяти.

Важную роль играет отличие Текста от Произведения, также впервые подмеченное Бартом. Текст есть то, что сказалось о Произведении. Произведение имеет вещественный аспект, это определенная часть книжного пространства, которая может быть обнаружена в книжном магазине или в библиотечном каталоге. Если «произведение» «застыло» на страницах книги, то «текст» существует только в языке и в дискурсе – в постоянном движении сквозь произведения.

Текст не может быть классифицирован, не делится на жанры, он как раз подрывает старые условности и разграничения – делает проблематичным свое определение.

Произведение функционирует как знак, оно закономерно; Текст же работает в сфере «означающего» – он есть вечная игра «означающего» за счет смещения, взаимоналожения, варьирования элементов. «Произведение в лучшем случае *малосимволично*, его символика быстро сходит на нет, то есть застывает в неподвижности; зато Текст *всецело* символичен; *произведение, понятие, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы, – это и есть текст*» [2, с. 417].

В Тексте реализуется бесконечная множественность смыслов, находящихся в пространственной многолинейности, за счет которой происходит взрыв и смысл рассеивается; «прочтение Текста – акт одноразовый (оттого иллюзорна какая бы то ни было индуктивно-дедуктивная наука о текстах – у текста нет «грамматики»), и вместе с тем оно сплошь соткано из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию» [Там же, с. 418].

В терминологии Ю. Кристевой бартовское понятие Текст практически соответствует понятию «гено-текст», противопоставляемому «фено-тексту», который соответствует бартовскому Произведению.

В работе «От произведения к тексту» Р. Барт проводит анализ Текста, отграничивая его от Произведения. Взяв за основу данную работу, можно проследить основные черты, присущие понятию постмодернистского Текста. Выкристаллизовав эти черты, можно предпринять попытку обнаружить их в Тексте легенды о десяти коленах.

1. *Текст существует в дискурсе, он доказывается, высказывается.* Текст по своей природе сквозь что-то двигается, через произведение или ряд произведений. Он ощущается лишь в процессе работы, производства.

Основа легенды о десяти коленах, как было обозначено выше, закреплена в библейском тексте, в 2 Цар. (4 Цар.). Упоминания о десяти коленах, их судьбе после изгнания содержатся и в корпусе пророческой литературы Библии (см., например: (Эзр. 2:2, 6:17; Неем. 7:7; Иер. 30-31; Ис. 10:11-16)). Так, по мнению исследователя истории десяти колен Ц. Бен-Дор Бенита, именно стараниями пророков типичная для древнего мира история военного захвата и насильственной депортации части захваченного населения превращается в легенду об изгнании целого народа в результате божественного замысла [15, с. 54]. На примере пророческих текстов можно проследить, как в Библии исторические события трансформируются в теологически значимые.

Последующие века демонстрируют интерес к истории о десяти коленах, постепенно превращающий ее сюжет в легенду. Как ни удивительно, впервые на легендарном уровне мотив легенды о десяти коленах

прослеживается в текстах историков эпохи эллинизма и раннеримского периода (Плиний Старший, Иосиф Флавий). Именно в произведениях этих авторов мы обнаруживаем мотивы, послужившие основой для многочисленных трактовок и мифологических интерпретаций на ближайшие пятнадцать (!) веков.

Легенду о десяти коленах дополняют мудрецы Талмуда. Переосмысливая исторические книги Библии и пророческие произведения, они наслаивают на библейский сюжет новые коннотации и свои представления о судьбе десяти колен.

В таргумах (переводах Библии), поздних мидрашах (ивр. מדרש – *исследование, описание, толкование*; толкования Библии) и иной раввинистической литературе легендарные повествования о десяти коленах и иных сюжетах, связанных с их историей, разбросаны в виде ценных крупиц знания.

Страницы путевых дневников еврейских путешественников – самая значительная часть в процессе превращения десяти колен в легендарных персонажей. Говоря об авторах еврейской географической литературы средневековья и раннего нового времени, повествующих о легенде о десяти коленах, прежде всего, стоит упомянуть путевые дневники следующих авторов: Эльдад Данит, Вениамин Тудельский, Давид Реувени.

На рубеже XIX и XX вв. Текст легенды воскрешается в произведениях литераторов на идише и русском, а затем и на других языках. «Путешествие Вениамина Третьего» Менделе Мойхер-Сфорима (1836-1917 гг.), «Реувени, князь Иудейский» М. Брода (1925 г.), «Баудолино» Умберто Эко и другие произведения позволяют Тексту легенды существовать в дискурсе.

По первому определению Текста Бартом, он представляется некоторой фабулой, сюжетом. История о десяти потерянных коленах существует вот уже около тридцати веков. И Текст продолжает жить! В последние десятилетия легенда становится политическим концептом, ориентиром «признания» Государством Израиль определенных народов принадлежащими к еврейской нации. Это – отдельная большая тема (см., например: [16]; фильм «Quest for the Ten Tribes» режиссера *Simcha Jacobovici*, 1999).

Итак, неопределенность и движение являются характеристиками постмодернистского текста, а также всецело характеризуют легенду о десяти коленах. «Текст» легенды – не произведение даже в том смысле, что он не является единожды написанным и устоявшимся. «Текст» существует во множестве произведений: в Библии, апокрифической литературе, дневниках путешественников, ссылающихся на других путешественников или людей, от которых они слышали о легенде, в последующей раввинистической критике. В каждом новом произведении «текст» как бы возрождается заново, чтобы обогатиться, пройти сквозь него, насытившись новыми смыслами и идеями, вплетаясь в общую канву еврейской истории, идти далее, к новым смыслам и трактовкам.

2. Текст находится вне жанра, он взламывает старые рубрики – делает проблематичной всякую классификацию. Легенда о десяти коленах не есть литературное произведение. Она также не является просто библейской нарративной, как и не представляет собой сказку в жанре средневекового мидраша. Текст не является рассказом средневекового путешественника хотя бы потому, что в текстах еврейских странников он представлен в «фасеточном» виде, в образе отрывочных предложений-впечатлений. Текст легенды не является законченным литературным произведением. Текст легенды о десяти коленах – есть все вышперечисленное и много больше. Жанровое амплуа, в котором предстает Текст на протяжении своей многовековой истории, столь бесконечно, что представляется крайне проблематичным определение его в целом как литературного феномена.

3. «Текст всецело символичен»: он работает в сфере означающего. Понимание текста зиждется не на понимании (выяснении «что значит» произведение), а на игре означающего и означаемого: путем выработки ассоциаций, взаимосцеплений, переносов, посредством множественного смещения, взаимоналожения, варьирования элементов.

Символичность легенды о десяти коленах проявляется во множестве символов-знаков, кочующих из произведения в произведение, создающих ассоциативные поля вокруг истории. Так, одним из основных символов-знаков, «маркеров» десяти колен в эпоху средневековья становится река Самбатсион. Концепт Самбатсион, изначально возникший в текстах древнегреческих авторов, в эпоху средневековья оказывается связанным с легендой о коленах, маркируя место пребывания потерянных колен. Постепенно мотив Самбатсион начинает маркировать границу между миром известным, постижимым и миром недостижимым, ассоциируемым с десятью коленами. В ряду иных «означающих» Текста легенды стоит отметить категории множественности / неисчислимости, воинственности и недостижимости, применимые к коленам.

4. Множественность Текста. В тексте осуществляется множественность, в нем нет мирного сосуществования смыслов, но происходит взрыв, рассеяние смыслов. В анализе Барта содержится красивое сравнение: чтение Текста сопоставляется с прогулкой вдоль русла пересыхающей реке. Множественные, бесконечно-расплывчатые ощущения прогуливающегося человека: цветовые пятна, деревья, звуки, запахи, пение птиц, голоса лишь наполовину осознаваемы, лишь отсылают к знакомым кодам, но их сочетание уникально, неповторимо. Так и прочтение Текста одним-единственным человеком есть акт одноразовый, не говоря уже о прочтении того же Текста другим человеком, с другими ощущениями и восприятиями, с иной культурной памятью.

Так и текст легенды о десяти коленах «читается» его создателями каждый раз по-новому. Составители Талмуда, авторы средневековых мидрашей строили умозаключения о возможном месте нахождения колен, в то время как еврейские средневековые путешественники видели в легенде интенцию к реальным странствиям в поисках пребывания колен. Загадочный персонаж средневековья Эльдад Данит (IX в.), чьи фантастические рассказы вызывают ожесточенные споры относительно их подлинности¹, декларировал себя потомком колена

¹ См., например: Epstein A. Eldad ha-Dani. Pressburg, 1891, republished and revised in Haberman A. M. The Writings of Abraham Epstein. Jerusalem, 1949. Vol. 1. P. 1-211, 275-290 (Hebrew); Morag S. A Linguistic Examination of Eldad the Danite's Origen // Tarbiz. 1997. Vol. 66. P. 223-246 (Hebrew); Wasserstein D. J. Eldad ha-Dani and Prester John // Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes / ed. by Charles F. Beckingham and Bernard Hamilton. Aldershot, 1996. P. 213-236.

Дана – одного из потерянных колен, рассказывая необыкновенные истории о местонахождении всех колен. Литература на идише и русском XIX и XX вв. – еще одна интерпретация библейской легенды. Через все «вехи» своего развития, через многочисленные произведения текст свободно течет, закрепляя множественность смыслов.

5. *Смерть автора*. Текст не признает «отцовство» Автора, в нем не требуется уважать органическую цельность – его можно бесконечно дробить для анализа и осознания.

«Смерть автора» – понятие, провозглашенное Р. Бартом в одноименном эссе 1967 г., в котором французский философ критикует метод чтения и критики, опирающиеся на аспекты личности автора. Сходные идеи развивает М. Фуко в лекции «Что такое автор?». С точки зрения постструктурализма автор Текста – это тиран, навязывающий ему монологическую истину, реализующий в нем свое властное предназначение и превращающий Текст в Произведение. У постмодернистского Текста не бывает единого автора. Каждый читатель за счет паязыковости сознания есть новый творец «текста» – в этом смысле каждый читающий является таким же полноправным автором «текста», как написавший его. Произведение отсылает к образу развивающегося организма, метафора же Текста – это сеть.

В данной связи легенда о потерянных коленах, безусловно, является Текстом, лишенным автора, – столь многие поколения трудились над его дополнением и интерпретацией, создавая все новые и новые множественные поля смысла.

Легенда выступает как знак, где «означаемое» – потерянные колена. В наше время очевидна «мифологичность» и неправдоподобность многих заявлений средневековых путешественников о якобы виденных ими коленах, для историков представляется иллюзорной сама идея нахождения в средневековом мире автономного еврейского государства. Однако наши размышления исходят из современного представления о концепте реальности. Реальность же в контексте средневекового мировоззрения, по всей видимости, кардинально отличалась от современного концепта.

Если взять за основу представление о реальности российского семиотика и лингвиста В. П. Руднева, реальность есть знаковая система, которая состоит из множества знаковых систем разного порядка, то есть реальность есть настолько сложная знаковая система, что ее средними пользователями она воспринимается как незнаковая. Но все же, невозможно воспринимать реальность, не пользуясь системой знаков. «...Специфика понятия реальности как раз состоит в том, что в ней огромное количество различных знаковых систем и языковых игр разных порядков и что они так сложно переплетены, что в совокупности все это (реальность) кажется незнаковым. При этом для человеческого сознания настолько важно все делить на два класса – на вещи и знаки, на действительное и выдуманное, – что ему (сознанию) представляется, что это деление имеет абсолютный онтологический характер» [11, с. 180]. На основе этого краткого определения можно предположить, что средневековое сознание, по-видимому, за счет знаковой системы, иной, чем в современности, было не склонно к подобному разграничению на «знаковое» и «незнаковое», выдуманное и действительное. Возможно, именно поэтому все услышанное путешественники брали за веру, не отделяя, а наоборот смешивая факты и вымысел, создавая все более неправдоподобные версии. Именно с этой точки зрения тексты путешественников являются символическими для нас, наблюдающих из XXI века, хотя сами авторы не ставили целью подкрепить чьи-либо домыслы реальностью. Отсюда и множество привнесенных в средневековые символы или знаков-маркировок, имеющих отношение к легенде, таких, как река Самбатин или мифические горы Тьмы, за которыми, по словам путешественников, проживали десять колен.

На основе приведенного выше анализа текста легенды о десяти коленах в основных понятиях Текста в концепции Барта можно подтвердить тезис, выдвинутый в начале статьи, а именно: текст легенды о потерянных коленах, безусловно, представляет собой Текст в понятиях Барта или «гено-текст» в терминологии Ю. Кристевой. Текст легенды существует в дискурсе – в бесчисленных произведениях, он находится вне общепринятых жанров и всецело символичен, своими создателями и читателями он вновь и вновь воспринимается по-разному – отсюда множественность Текста, и, наконец, не существует единого Автора, навязывающего Тексту легенды монологическую истину.

Текст легенды и по сей день остается актуальным. Он есть культурная память, в которой хранится множество «кодов»: это все уже виданное (читанное, слышанное), которое позволяет сформировать ассоциативные поля. В этом смысле он всегда предстает перед читателем в новом свете, новом облики. Бесконечные цитаты и отсылки, которые улавливаются в «тексте» легенды, есть не что иное, как языки культуры, те самые наслойки первоначального произведения – библейской наррации.

Затронутый вопрос о соотносительности средневековой легенды о еврейских коленах с понятием Текст информационного общества является лишь одним из возможных направлений исследования в рамках позиционирования актуальности данной темы.

Список литературы

1. **Барт Р.** Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 71-130.
2. **Барт Р.** От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. С. 413-424.
3. **Барт Р.** С чего начать? // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. С. Н. Зенкина. М.: Прогресс, 1994. С. 401-413.
4. **Барт Р.** Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. С. Н. Зенкина. М.: Прогресс, 1994. С. 384-391.
5. **Билан О. А.** Постмодернистские тенденции в современной философии общества // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6. Ч. 1. С. 26-29.

6. Гретц Г. История евреев от древнейших времен до настоящего: в 12-ти т. Одесса, 1906. Т. VI. 452 с.
7. Дианова В. М. Культурология: основные концепции: учеб. пособ. СПб., 2005. 280 с.
8. Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. с древнегреческого М. Финкельберг и Ф. Вдовиченко; под ред. А. Ковельмана. М. – Иер., 1993. 512 с.
9. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2-х т. М., 2007. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 613 с.
10. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 829 с.; Т. 2. 829 с.
11. Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
12. Савелова Е. В. Интерпретационные парадигмы мифа: опыт реконструкции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. Ч. 2. С. 135-141.
13. Тантлевский И. Р. Введение в Пятикнижие. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 469 с.
14. Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 402 с.
15. Три еврейских путешественника. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2004. 332 с.
16. Ben-Dor Benite Z. The Ten Lost Tribes: A World History. Oxford: Oxford University Press, 2009. 309 p.
17. Cooper A. E. Conceptualizing Diaspora: Tales of Jewish Travelers in Search of the Lost Tribes // AJS Review. 2006. Vol. 30. № 1. P. 95-117.
18. Shachan A. In the Footsteps of the Lost Ten Tribes / translated from Hebrew; managing ed. L. Becker. N. Y.: Devora Pub., 2007. 452 p.

LEGEND ABOUT LOST TRIBES AS POST-MODERNIST TEXT

Gromova Yuliya Olegovna
Saint Petersburg State University
yuliarepina@gmail.com

The article is devoted to analyzing the legend about lost tribes of Israel in the context of the basic conception of the theoreticians of information and post-modernist society – the conception of Text. The paper analyzes how, adding their own connotations and interpretations into the biblical basis of the legend, the authors of prophetic writings, Talmud scholars, the translators of the Bible, the historians of the epoch of Hellenism and the early Roman period and, finally, the Jewish mediaeval travellers by joint efforts created the global Text of the legend about ten tribes.

Key words and phrases: ten lost tribes; Text and Writing; R. Barthes; multiplicity of Text; “death of Author”.

УДК 119; 165.41; 167.7

Философские науки

В статье на формальном материале рассматривается феномен бренд-коммуникации в терминах неопределенности. Основное внимание обращено на энтропию бренд-позиционирования, ее осмысление в качестве дополнительного основания для дифференциации номенов. Обосновывается введение в методологию исследования Brand PR результатов изысканий Клода Шеннона в области теории информации.

Ключевые слова и фразы: неопределенность; энтропия; брендинг; бренд-коммуникация; типология брендов; теория информации; формула Шеннона; предсказание поведенческого решения.

Егоров Александр Александрович
Псковский государственный университет
egorov.alexan@gmail.com

ЭНТРОПИЯ И БРЕНД: ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЗОНЫ БРЕНД-КОММУНИКАЦИИ В КАТЕГОРИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ[©]

Перманентная необходимость увеличения объема фактических данных о том или ином денотате (предмете, явлении или процессе), кумулятивное или взрывное накопление опыта интерпретации полученных сведений есть основная предпосылка любого творческого акта: научного, художественного и даже – мистического. В преодолении энтропии, снятии неопределенности, упорядочивании хаоса видится главный пафос ряда ключевых исследований, выполненных в различных областях науки. Процесс накопления информации как антиэнтропии, меры уменьшения неопределенности, обладает не только прагматической функцией, но одновременно является основанием для любых смысложизненных поисков, идей просвещения и культуртрегерства. Понятия «информация» и «энтропия» носят общенаучный характер, формируют одну из категориальных граней неклассической эпистемологии: лежат в основе объяснения теории самоорганизующихся систем, феномена бифуркации, явления синергии и прочего [14, с. 1160-1166].